ИЗДАНІЯ ОБЩ. ИМ. М. КАЧКОВСКОГО
Мартъ 1914. Ч. 459.

Молися
Оучися
Трудися
Трезвися

Куба Блудъ.

Повѣсть изъ недавныхъ временъ,

больше правды, менше байки.

Написалъ
Антоній Ивановичъ.

Изъ поэзій Степана Шаха.

ЛЬВОВЪ 1914.
Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управленіемъ М. Рефця.
За редакцію отвѣчаетъ: Филиппъ И. Свистунъ.

Цѣна 30 гел.

РУССКАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ

въ Ставропигійскомъ Институтѣ

Львовъ, Бляхарская ул. ч. 11

подъ управленіемъ ПЕТРА ПОДОЛЯКА

принимаетъ въ переплетъ въ розличныхъ родахъ якъ въ кожу, такъ и въ полотно, ровноже и въ изящномъ видѣ

молитвословы, всѣ церковныи книги, Евангелія, приходскіи и громадскіи друксорты, всѣ мірскіи сочиненія, также всѣ другіи галентерійно переплетничіи роботы,

входящіи въ кругъ переплетничого искуства. Всѣ роботы исполняются совѣстно, крѣпко и изъ самого лучшого матеріала подъ наблюденіемъ префекта изъ рамени Ставропигійского Института по умѣреннымъ цѣнамъ. Съ заказами просимъ обращатись въ переплетную въ Ставропигійскомъ Институтѣ,

ЛЬВОВЪ, ул. Бляхарская № 11.

Роботы изъ провинціи исполняются въ продолженіи 24 ч.

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО.

Мартъ 1914. Ч. 459.

Куба Блудъ.

Повѣстка изъ недавныхъ временъ,

больше правды, менше байки.

Написалъ

АНТОНІЙ ИВАНОВИЧЪ.

ИЗЪ ПОЭЗІЙ СТЕПАНА ШАХА.

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропигійского Института

подъ управ. М. Рефця.

За редакцію отвѣчае: Филиппъ Ив. Свистунъ.

До пятьдесяти лѣтъ тому назадъ не было въ жидачôвскôмъ повѣтѣ такого человѣка—особенно изъ тѣхъ, щó то по ярмаркахъ часто бывали — который не знался или хотя не чувалъбы про славного на той часъ Кубу.

Возможно, що еще и нынѣ найдеся гдесь ктось — можливо изъ старшихъ, которыи держатся еще старого завѣта: ярмарки, оказіи и корчмы николи не минай, бо кто все то минае, той доли не знае — такъ если есть кто еще изъ тѣхъ, щó того давного завѣта придержуеся, то навѣрно буде знати щось про славного колисьто въ жидачевщинѣ Кубу.

Та если многіи знали его въ повѣтѣ, то не дивота буде, що въ селѣ, въ которôмъ до смерти ôнъ проживалъ, знала про „Кубу“ даже каждая мала дитина. Сегодня, коли уже пятьдесятъ лѣтъ минае, якъ небôщикъ Куба померъ, а собственно хотя и померъ обыкновенною человѣческою смертію, но все таки онъ небôщикъ, то кажется менѣ, що даже знавшіи его въ дѣтствѣ

съ трудомъ его собѣ пригадуютъ, а може и не пригадуютъ.

Но разъ началъ я розсказувати вамъ про того колись славного Кубу, такъ и докôнчу про него. Докôнчу, хотя-бы тѣ, щó его въ дѣтствѣ видѣли, его и не пригадували-бы. А хочу розскати, щобы показати, що кажда рѣчь мае свôй початокъ и причину.

Былъ тотъ Куба колись славный не то на село, а на цѣлый повѣтъ. Уродился ôнъ — но щó буду писати вамъ про его уродины, коли ôнъ самъ про нихъ неоднаково говорилъ. То былъ человѣкъ и свѣтовый и бывалый. Свѣтовый потому, бо гдесь изъ свѣта до насъ заплентался — а бывалый, бо въ многихъ селахъ и мѣстахъ бывалъ, скитался, закимъ у насъ въ селѣ опинился, та тутъ его и смерть по кôлькохъ лѣтахъ захопила. Паперôвъ-документôвъ не имѣлъ ніякихъ, батька своего не зналъ цѣлкомъ, про маму щось троха памяталъ. Одно зналъ на вѣрно, що дѣйствительно уродился и що его окрещено, та що на св. Крещеніи дано ему польское имя Куба, т. е. наше русске Якова. Та однакъ, якъ зналъ на певно свое крестне имя, такъ що до своей фамиліи, значитъ своего прозвища не имѣлъ найменьшой певности.

А писался нашъ Куба по прозвищу „Блудъ“. Бачу, що вамъ, почтенныи читатели, кажеся дивнымъ таке прозвище, та оно хотя и дивное, однакъ правдивое. А чому нашъ Куба Блудомъ звался? — не знаю! Кажутъ гдекоторыи, що тому, що его мати блудомъ ходила, та тому и его латинскій ксендзъ въ метрику Блудомъ записалъ, бо про его отца метрика якось ничого не писала. Другіи казали, що въ метрицѣ Блудъ по мамѣ

цѣлкомъ инакше писался, даже якось такъ „съ паньска", бо то ôнъ не абы яка была собѣ дитина! А Блудомъ — кажутъ — то его уже такъ у насъ въ селѣ прозвали, разъ длятого, що не могли добре его паньского прозвища вымовити та затямити, по друге—кажутъ и потому, що долго небôщикъ по свѣту блукался, закѣмъ до насъ приблудилъ. А третьи кажутъ, що покойный нашъ русскій егомость, хотя знали добре его родове прозвище, однакъ нарочно его задля неисправимого, грѣшного житя Блудомъ прозвали. А людямъ въ то грай, пôдхопили, та съ тѣмъ прозвищемъ и скончался.

Такъ дѣйствительно Куба Блудъ, одѣтый съ шляхотска, однако съ дѣрами въ одежѣ, та съ съ босыми пальцами, вызираючими съ чобôтъ, съ паличкою въ руцѣ, передъ кôлькома лѣтами приблукался въ наше село, та тутъ панъ дѣдичъ принялъ его на якусь службу. Тутъ въ селѣ ему такъ подобалося, що и оженился.

Но вѣрный своему прозвищу почалъ вести блудну жизнь, зá що дѣдичъ увôльнилъ его изъ службы, а Куба началъ вести господарку на куснѣ жѣночого грунта, бо свого не посѣдалъ.

Такъ, любезныи читатели, познакомилися съ Кубою и знаютъ, що колись-то былъ жилъ въ селѣ Ц. Куба Блудъ, знаный каждому въ селѣ, извѣстный и многимъ въ повѣтѣ. Не было въ селѣ ніякихъ крестинъ, весѣлья, гостины, ніякой оказіи, не было ніякой ярмарки, купна - продажи где недоставало-бы Кубы. Ôнъ все куповати, торговати, продавати помогалъ, порочилъ-ганилъ, прихвалювалъ, но и первый все и всюда пилъ могоричъ. Самъ для себе не куповалъ, ни свого не продавалъ, бо звычайно якъ добра людина

на себе позабылъ, о другихъ радѣлъ, другому, якъ кажутъ, радбы неба прихилити.

Та видно, Богъ Всевѣдучій знаючи его натуру, не далъ ему дѣтей, та и небôженька жена не долго съ нимъ капарила, кажутъ, съ грызоты померла. Но все таки Куба за свое дôбре сердце нашолъ собѣ пріятеля и опѣкуна. Рудый Гершко, который былъ колись корчмаремъ еще въ старой корчмѣ при млынôвцѣ, заопѣкувался сердечно бѣднымъ Кубою по смерти жены и самъ за него продалъ хату, обôстье и кусень поля, якій припалъ Кубѣ по небôжцѣ, а Кубѣ далъ безплатный теплый кутъ въ день въ корчмѣ за столомъ или на лавѣ, а на нôчъ мѣстилъ его, куда попало.

„Така уже видно моя доля, щобы я до смерти блудилъ, бодай не сконали тѣ, що мене блудомъ прозвали, та долю таку дали!“ — нярѣкалъ иногда Куба, коли прійшлося ему про свою долю погадати, а що про самого себе мало коли гадалъ, то и дуже рѣдко такъ нарѣкалъ.

Было то на рôчной ярмарцѣ въ мѣсточку Ж. Тогды то неôтступный товаришъ Кубы, съ которымъ оба дуже любилися — шкода лише, що неодна ихъ мати родила и неодно имъ прозвище дала — а съ которымъ то товаришемъ, Богъ знае чому, кумами звалися — той товаришъ и кумъ Трофимъ продавалъ безроги. Кому якъ кому, но Трофиму любому куму треба было такой помочи продати и Куба помогалъ, торговáлъ, захвалялъ, радилъ, поддавалъ, накладалъ — вкôнцѣ Трофимъ продалъ безрогу за 38 срѣбла.

— Га, Трофиме-куме, думаю, що добре продали, я пробовалъ всякихъ штукъ, но бôльше не можно было натягнути, бо теперь такій часъ! — Та чи не выпити бы намъ могоричъ, куме?—приступилъ впростъ до дѣла Куба, — а слина ажъ ковтнула голосно черезъ его довгу, костисту шею, а лѣвымъ окомъ вдивился въ сусѣда такъ любо и мило, що годѣ бы было для Трофима опертися тому погляду.

Та щобы читатель, такой полно Кубу пôзналъ, то и скажу, чому ôнъ лише лѣвымъ окомъ дивился. Праве око Кубы затягнулося грубымъ бѣльмомъ. Не велика съ него была корысть для Кубы, когда не было на немъ бѣльма, бо оно все зазирало зызомъ и пхалося гдесь въ кутъ мовьбы пôдъ нôсъ, а тогды велике бѣлко надавало якійсь немилый выглядъ его опаленому, чорному и такъ неприглядному лицю. А съ бѣльмомъ не было уже видно зыза и бѣлко такъ страшно не свѣтило, та нашому Кубѣ, якъ казали люди, было съ бѣльмомъ немного до лиця!

И за ту окрасу лиця т. е. то бѣльмо онъ долженъ былъ вдячнымъ небôжцѣ-жêнцѣ до смерти. Разъ коли еще за еѣ памяти взялся Кубы блудъ и по ярмарцѣ онъ показался ажь другого дня до хаты, та и всѣ грошѣ за три качки гдесь нечистый отъ него взялъ, бѣдна небôжка попала въ лють на „нечистого“, та щобы его разъ на всегда прогнати, щобы блудомъ еѣ человѣка не чѣпался — замахнулася, та якось держакомъ ôтъ коцюбы попала прямо въ зызовате око Кубы. Вхопился Куба за око, но не помогло уже. Лизался, лизалъ, а бѣльмо все таки и по смерти покойницѣ осталося.

Такъ одинокимъ лѣвымъ окомъ поглянулъ ôнъ по ярмарцѣ на кума Трофима, а той не въ темя битый, и уже по хвилѣ опинилися въ шинку Фишлика за столомъ. Гостилися тамъ до пôздна. Ажь гдесь третьёго дня по ярмарцѣ показался въ селѣ, а кума Трофима не стало. Говорили, що другого дня по ярмарцѣ видѣли его въ мѣстѣ, якъ съ якимись панами поѣхалъ съ Жидачева своимъ однимъ конемъ и фѣрою кудась мовь на Бережанщину.

Минали днй и ночи, миналъ уже тыждень ба и другій, а по Трофимѣ ни слѣда! Казали, що гдесь въ дорозѣ блудъ его причепился и пôгналъ свѣтами. Отъ такъ оно тому, кто съ блудомъ пристае.

Ходила Трофимиха, заводила, ходили дѣти заводили, плакали, бѣдькали, нарѣкали.

Пропалъ Трофимъ, якъ камень въ водѣ! Шукали жандармы, шукала полиція... Дарма! Трофимиха уже взяла риньского, щобы дати священнику, щобы ôтслужилъ службу за душу Трофима. Та добре, що отецъ духовный хотѣли приняти, бо за послѣднёго грѣшника, который нѣколи церкви, ни сповѣди не зналъ, церковь заказуе молитися. Ба тутъ она вертае, дивится — иде ктось съ батогомъ въ руцѣ, щось гей Трофимъ и не Трофимъ, бо якійсь изнуренный, почорнѣлый, мовьбы що ино где изъ пекла вырвался... Надближился...

— А то ты жѣнко?

Трофимиха попятилась назадъ, перекрестившися...

— То ты, Трофиме?

— Та я! Не пôзнаешь мене?

— А чому ты съ батогомъ? Где вôзъ, где кôнь, где безрога?! Где ты былъ черезъ цѣлыхъ двѣ недѣли?!...

— Та богато и страшно бы казати. Мене блудъ причепился, попровадилъ свѣтами, хотѣлъ видно душу съ человѣка выгнати бѣсовскій сынъ, та якось я вырвался!

— А гдежъ кôнь, где вôзъ?!...

Трофимъ махнулъ тôлько рукою. Сказалъ: „Блудъ причепился.... заблудилъ.... пропали... та не докôнчилъ, бо тутъ жѣнка, якъ не свисне его ôтси и ôтси по его зызоватыхъ очахъ, а Трофимъ коло самого моста лише перекотился.

Ясно и любо свѣтилося въ ôкнâхъ въ тогдѣшной старой корчмѣ надъ „Млынôвкою“. Было то въ кôлька день по поворотѣ Трофима. Въ селѣ ôтъ того часу о ничêмъ не говорили якъ о блудахъ, страхахъ, опырахъ, та о тôмъ щô то нечистый не потрафитъ напакостити крещеной душѣ!

Такъ якъ попри корчму черезъ село, головный трактъ, то и не диво, що того дня корчма прямо роспиралася ôтъ множества людей, а въ ней горячо и душно, та темно ôтъ дыма люлюкъ, та цигаръ. За столомъ при ôкнѣ такой ôтъ самои „Млынôвки“ житье ажь кипѣло, ôтти было чути найсильнѣйшу бесѣду та гамôръ.

Тамто засѣлъ одноокій Куба, оперъ голову о стѣну, бо дуже тяжѣлâ, лѣвымъ локтемъ оперся о футрину ôкна, а праву протягнулъ по столѣ, та держалъ нею за ухô объемистую гальбу. На столѣ стояло уже кôлька порожныхъ флящинокъ ôтъ горѣлки, та передъ каждымъ гальба съ

оставшимся ледви на днѣ пивомъ. Сегодня тѣ ґальбы уже не первый разъ ôбѣгли вокругъ той стôлъ.

По лѣвой сторонѣ Кубы сидѣлъ, пôдперши обома лôктями чогось похиливши голову. Игнатъ, загально кликаный людьми „Цюпачкомъ“, бо кажутъ, що загонистый былъ съ него майстеръ, похопный до роботы, вѣчно щось коло хаты „цюпалъ“, хотя мимо того хата цѣла выглядала опущена и нужденна.

Злобныи люди насмѣвалися съ Цюпачка, казали, що лише даромъ цьвоки билъ, ибо по правдѣ казати, если бы его жѣнка сама дровь не нацюпала, то и запалити не былобъ чѣмъ. За то Игнатъ вѣчно начиналъ свою роботу-цюпанину, особенно тогды, если ему горло присохло, бо така и была его майстерска привычка, що абы робота добре пôшла, мусѣвъ выпити келишокъ, а потому или цюпалъ дальше, или и нѣтъ, для него досить, що покрѣпился. Мимо гарного прозвища, Цюпачокъ, мимо що хватъ былъ до роботы, никто не завзывалъ его до помочи бо говорили, „що плохимъ былъ на руку“.

На самôмъ розѣ стола, гейбы на первôмъ мѣстцѣ, розсѣлся шпаковатый уже Трофимъ Воробецъ, бо не сказалъ я еще, що Трофимъ Воробцемъ писался. Добрый былъ то колись господарь, та и было на чѣмъ господарити, и жена газдыня была, якои бы ему другій позавидовалъ, та одно было лихо у него, може тому, що до церкви не ходилъ, его часто въ дорозѣ чѣпался блудъ и годѣ было ему ôтпекатися та ôткреститися ôтъ нечистои силы. Той блудъ о мало его уже и житья не лишилъ.

Злыи, завистныи сосѣды говорили, що той блудъ чѣпался Трофима найбôльше вечерами, коли верталъ съ праздничнои или иншои гостины или ôтъ компаніи у Гершка. Они изъ злобы и зависти не вѣрили въ Трофимовъ блудъ.

Та мимо того, що нечиста сила мала до Трофима якусь рацію, ôнъ самъ былъ добрый и забавный человѣкъ, особенно якъ натрафилъ на свою компанію, и тогды можна было пôзнати, що его прозвище Воробецъ было цѣлкомъ удачне, бо за келишкомъ чи гальбою цвѣрѣнкалъ своимъ охрыплымъ, піяцкимъ голосомъ хотяйбы и до рана.

За то жѣнку — о ту жѣнку — якось недопасовалъ Господь Богъ до его деликатной натуры та деликатного прозвища, она не цвѣрѣнкала, а такой розкудкудакавшися разъ подзёбала бѣдного, деликатного Воробця, куда попало. Отъ и видѣли мы наочно, якъ гарно привитала она его, коли повернулъ по двохъ недѣляхъ гдесь ажь ôтъ Бережанъ чи Рогатина, куда его блудъ заманилъ, безъ безроги, коня, съ одинокими 14 крайцарами. А що въ хатѣ дѣялося, о тôмъ и не вспоминати, досыть еще нынѣ поглянути на его покрыте синцями лице, та попôдпухлыи, зызоватыи очи!

Куба вдивился нынѣ такъ любо въ своего друга, мовьбы они кôлька лѣтъ невидалися. Та бо и любилися оба добраныи други. Ихъ все съ собою соединяло, все ихъ въ тѣснѣйшую дружбу вязало. Такихъ другихъ двохъ чортъ уже хиба въ цѣлôмъ свѣтѣ не допасовалъ бы. Оба высокіи, досыть высохлыи; оба уже шпаковатѣли. Даже голосы ихъ охрыплыи были въ одинъ тонъ. Оба зызоватыи, лише що Кубы зызъ не-

бôщка жѣнка бѣльмомъ прикрыла, у Трофима за то не можно было его зызôвъ добачити, бо николи никому прямо въ очи не поглянулъ. Обомъ даже пасовало бы и одно прозвище, та хиба не Воробця, а Блуда, бо и не-разъ не-два разомъ по ночахъ блукали. Одно що ихъ рôжнило, що Куба мешкалъ въ однôмъ а Воробецъ въ другôмъ поблизкôмъ селѣ, но за то издалека сердечнѣйше любилися, та за собою тужили. Друге, що ихъ дѣлило то то, що Куба былъ латинского а Воробецъ греческого исповѣданія, но и то имъ не мѣшало, такъ якъ одинъ и другій ни до церкви ни костела не ходили, та на политицѣ не розумѣлися.

При столѣ сидѣло еще кôлькохъ людей, та прислуховалися или и мѣшалися до бесѣды. Говорили о всемъ, но найбôльше о тôмъ, якъ то нечиста сила въ блудъ перемѣняесь, та водитъ крещеными людьми по безвѣстьяхъ и ніякои рады на то нѣтъ.

На дворѣ уже такой добре потемнѣло. Година была пôздна, при другихъ столахъ началося опорожнювати, бо и часъ былъ до дому. При столѣ Кубы никому не спѣшилося.

— Такъ мы куме, Трофиме, мали васъ уже за небôщика, най не повторяесь бôльше — заґоворилъ Куба. Мы хотя и пріятели не допасовалися до своихъ прозвищъ — говорилъ ôнъ дальше, потираючи правою рукою свою густую, но въ полнôмъ неладѣ чуприну, мовьбы хотѣлъ отерти своимъ волосьемъ парующіи изъ головы напитки. — Вамъ бы куме, Трофиме, скорше зватися Блудомъ, бо вы въ блудъ вѣрите и васъ блудъ береся, а менѣ бы Воробцемъ зватися, бо

чоловѣкъ бездомный, безъ стрѣхи, жіе съ дня на день мовь истинный воробей.

— Этъ, Куба, жартували бы здоровыи, а менѣ не до жартôвъ по тôмъ, щò на власныи очи видалъ, та що самъ переживалъ. Я думалъ уже, що намъ ôтъ часу, якъ по ярмарцѣ у Фишлика видалися, уже бôльше не то гôститися но и не видатися на тôмъ свѣтѣ. Принадилася якась мара, пекъ-осина ей, вчепилася якъ вошь кожуха, ты туда... она туда... Духъ св. при насъ крещеныхъ понесло бы крещену душу куда въ безвѣсть!

Почувши про мару, яка причепилася до Воробця, слушатели вокругъ стола присунулися ближе Трофима, цѣкаво отворивши уста. Цюпачокъ боязливо поглянулъ въ ôкно, другіи потерли чело та голову, въ которыхъ и такъ ôтъ выпитого та ôтъ духоты баламутилося, дрощъ перебѣгъ имъ по-за кожу, одинъ Куба поглядалъ смѣло и недовѣрчиво:

— Эй, мнѣ видится, Трофиме, що вы готовыи повѣрити, що человѣка блудъ чѣпаеся! Я собѣ засмѣялся, та назвалъ то блудомъ, що вы собѣ щось двѣ недѣли балювали, бо я по забавѣ у Фишлика щось ажь другого дня вернулъ. Но куда вы бывали за той часъ?

— „По васъ бачу, що вы не вѣрите, а мене таки „присяй-богу“ причепилась якась мара, — говорилъ свое Трофимъ. — „Якъ ино мы выйшли ôтъ Фишлика, хотя признаюсь, того не тямлю добре, одно знаю, що изъ 38 срѣбла за безрогу лишилося менѣ двѣ десягчины, такъ съ чѣмъ тутъ вертати?—гадаю собѣ, а тутъ и жѣнка съ своимъ языкомъ приходитъ менѣ на гадку. Въ тôмъ чую, чіясь рука на моемъ карку.

Дивлюся той згôннникъ, що у мене безрогу купилъ, таки той самѣсенькій!

— „А чого панъ хотятъ?“ — пытаю.

— Може бы вы мене газдо до Рогатина пôдвезли?

— Везги не грѣхъ, дармо — повезу — погадалъ собѣ.

И такъ за безрогу пропуталъ, такъ фѣрманкою ôтроблю то. Но до Рогатина, то свѣтъ далекій. Страхъ мене зôбралъ, хотя кôнь у мене сильный. А може и не ѣхати? — гадаю. А той панъ зове — „ну ѣдете, или нѣтъ?“

— А ту менѣ щось шепче: „Ѣдь... ѣдь“... Таки щось мы до уха зашептало. Нынѣ я бы марѣ не далъ намовитися, но тогда не спохватился! — „Ѣду“ — отвѣтилъ я коротко и торгъ въ торгъ той згôнникъ обѣцялъ шесть срѣбла. Ну и чи не прійшлобыся за шесть срѣбла душу погубити? Черезъ его заробокъ человѣкъ стратилъ и свои гроши, вôзъ до того и коня, мара былабъ его причепилась, чорткôвского сына!

При послѣднихъ словахъ Трофимъ сплюнулъ изъ злости, пикнулъ файку кôлька разъ голоснѣйше, та велѣлъ Гершку подати свѣжого пива.

— Такъ выѣхалъ я. Ѣхалъ долго, дôрога далека, но все таки заѣхалъ. Та тамъ ѣхали мы въ двôйку, то нечиста сила до двохъ не береся. Тамъ мôй паниску злѣзъ, заплатилъ, щó казалъ, еще и на могорычъ додалъ. Та если на могорычъ, то най иде, куда призначене и я далъ коню оброку, та самъ вступилъ до корчмы покрѣпитися. Отъ выпилъ двѣ або три рюмочки, но тямлю, що не бôльше, перекусилъ, закурилъ, напился еще пива, заглянулъ до коня, напоилъ та

пôдъ вечеръ пустился домôвъ. Дорогу знаю, такъ и не боялся...

Но ледви выѣхалъ на гостинецъ, якъ сейчасъ стратилъ дорогу съ передъ очей. „Що за мара?“ гадаю. Кôнь нѣбы перебирае ногами иде, но стоитъ на мѣстцѣ. Передомною мовь изъ земли вырôсъ страшливый лѣсъ, перше ѣхалъ туда, не было того лѣса. Завертаю, ѣду до Рогатина назадъ. Досвѣтъ выѣду... Не дала нечиста сила повернути. — Духъ св. при насъ.

Цюпачокъ вытрѣщилъ переполоханыи очи, та шею съ головою втягнулъ въ стару опанчу, що ледво изъ неи нôсъ та чоло наставилися, на которе выступилъ горячій пôтъ. Пиво стояло передъ нимъ не рушене. Не менше переполохалися и другіи гости, одинъ Куба смотрѣлъ ôтважно.

Такъ сбился я съ дороги. Где Рогатинъ стоялъ, показалося менѣ мовьбы море а надъ нимъ темна мрака. Но я думаю: „пущу коня, най самъ иде, чейже коня блудъ нехопится. Ѣхалъ я.... ѣхалъ цѣлу нôчь. Гдесь въ ночи чую, ктось иде.

— Куда та дорога? пытаю въ потемкахъ.. А оно вамъ якъ не крикне: до бѣса, песій сыну якъ вамъ не завые, не гавкне, не свисне..... ино дымъ за нимъ покурился!... Я хотѣлъ перекреститися... Рука мовь приросла, не кивну нею. Хотѣлъ помолитися... та що зачалъ „Отче нашъ“, то помылился, та опять съ кôнця началъ. Хотѣлъ кликати о помôчь, та где тамъ... самъ своrо голосу не почулъ... Замкнулъ я очи, та пустилъ коня крокомъ, думаю „най дѣеся Божа воля“...

— Та не могли, куме, зъѣхати где на бôкъ, та кинути чого коневи, а самому перележати до

рана на возѣ, та такою блуканиною могли направду бѣду собѣ приключнти — заговорилъ резолютно Куба Блудъ.

— Та я вкôнцѣ и заснулъ такъ на возѣ. Рано збудилъ мене гаморъ коло мене. Съ страхомъ открываю очи... на дворѣ бѣлый день, коло мене кôлькоро людей. А славити Бога, що попалъ на крешеныи души! Где я? — запыталъ я.

— Где? А отъ въ моей пшеницѣ! — отвѣтилъ злобно якiйсь человѣкъ. — Мы самыи знаемъ, що мы крещены, но ты чортôвскiй сыну навѣрно некрещеный, если по ночахъ людямъ працю нищишь, та съ конемъ еще и съ возомъ въ пшеницю лѣзешь! Дивись, вражiй сыну, якъ ты менѣ всю пшеницю вытолочилъ! Пане начальнику — озвался ôнъ до высокого, крѣпкого человѣка, — приарештуйте его, най таксаторы оцѣнятъ шкоду, до суду съ нимъ, если не умѣе кервавицѣ цѣнити. А то заволока якась!

— Заволока? Ты самъ заволока! Я може лучшiй газда якъ ты! — О! мене укололо то слово пôдъ само сердце! Чуете мене, газду, сякiй-такiй заволокою зове...

— Зрозумѣйте мене добрыи люди, я вертаю съ Рогатина до Жидачева, по дорозѣ мене блудъ чепился, волочилъ мною цѣлу нôчь добре, що душу съ человѣка не вытиснулъ!

— Га, га, га! — Розсмѣялися тѣ люди. — Его блудъ чепился!... Где Жидачевъ, где Рогатинъ, а где Бережаны! Та ты не небоже ажь пôдъ Бережанами, ты на потуторскôмъ полѣ!

— Тебе не блудъ, а жидôвска паруха туда завела — заговорилъ якiйсь сухорлявый. „О далбы я ему паруху, кобы ôнъ менѣ тутъ пôдъ ру-

ку навинулся“, сказалъ, затискаючи кулаки, та пускаючи клубы дыма съ люльки розлюченый Воробецъ.

— Ôтъ него еще смердюху чути и теперь! О то собѣ того дару потягнулъ, що ажь пôдъ Бережаны въ людску кривду загнался. Чекай, небоже, выгонимъ мы съ тебе блуда, щобы бôльше тебе не чѣпался.

При згадцѣ тѣхъ слôвъ зызоокій Воробецъ почухрался по неприличной части тѣла, мовьбы и она ту згадку собѣ пригадала.

— Мене съ конемъ та возомъ повели до громадскои канцеляріи, тамъ мене затримали, ôтти ôтдали мене до Бережанъ до суду, та присудили заплатити шкоду — що говорити съ недовѣрками про блудъ, бодай ôнъ ихъ на всегда вчепился. Досыть, що съ Бережанъ пустился я до дому, но уже на пѣшки. Вôзъ та коня продалъ за пятьдесятъ-два срѣбла такой въ Бережанахъ, бо шкоду заплатилъ. Мои гроши, якіи имѣлъ за безрогу, бѣда гдесь забрала, а коня не было чѣмъ годувати. Такъ добре, що купили. Та пѣшки справился въ дорогу.

— Верталъ я все днемъ, держался гостинця, а ино на дворѣ смеркало, я на нôчъ до корчмы. Не дурный, щобы нечистый опять въ блудъ не пустилъ! Такъ добился и опять въ Рогатинъ. Тутъ переночевалъ, рано покрѣпившися, гайда въ дорогу! А бѣда за мною... Видно уже гдесь якась нечиста сила на той дорозѣ! Може где коли тамъ яка нужда повѣсилася або утопилася, бо такой присягну вамъ, що на той дорозѣ чѣпаеся блудъ крещенои души! Ну, щобы то въ

ночи! А то такой въ бѣлый день! Я лише въ чисте поле — а менѣ такъ спати хочеся, очи ажъ липнутъ, ноги колишутся... Ино кладися гденибудь...

Га, думаю собѣ, не дамся. Туда мене бѣда пôдходитъ... сномъ... Ага?! Человѣкъ ино засне, а тогда его задуситъ!

Тутъ видно было якъ на слово: задуситъ— Цюпачокъ и другiи скоро перекрестилися, а старый Онисимъ тревожно поглянулъ въ ôкно, чи не суне ôтти яка нечиста мара...

— Я спѣшилъ, що силъ стало, все напередъ, себе... а тутъ коло лѣса, где двѣ дороги... дивлюся — три дороги...! Я затямилъ было двѣ, а тутъ три. Кудажъ менѣ теперь дѣтися? А тутъ уже и вечерѣе; въ полѣ ни живои души! Я перекрестился, та напередъ, а тутъ ни ôтси ни ôтти якiйсь панъ, высокiй, гибкiй якъ струна, ноги тонкiи, высокiи мовь у бузька, на головѣ высокiй, чорный капелюхъ — иде та посвистуе, а съ цигара пускае дымъ мовь изъ комина! Гмъ... гадаю собѣ... тутъ я дивился, не было ни живои души, а тутъ уже и якiйсь панъ, та ще и посвистуе, цѣлкомъ, якъ той тогда свиснулъ, коли мене блудъ напалъ.

— Но разъ я пустился... иду... а тутъ панъ изчесъ — по дорозѣ впередъ мене иде лише его высокiй чорный капелюхъ. Въ томъ на дворѣ смеркае... Тутъ была дорога, а тутъ я уже передъ якоюсь брамою, а за нею цминтарь-грôбъ за гробомъ, а на каждôмъ гробѣ свѣчка горитъ. Я сплюнулъ, перекрестился, тай нуже чѣмъ-скорѣйше въ противный бôкъ...,

Иду... иду. . передомною опять цминтарь съ освѣчеными гробами, а по серединѣ той самъ капелюхъ... Тутъ хиба менѣ уже и смерть!

Такъ кôлька разôвъ пускался я въ противный бôкъ, а нечиста сила тягне мене все-таки на цминтарь, а все той капелюхъ съ того пана передомною, а спати такъ хотѣлося, силы такъ опускали, що лише лягай, та хиба тутъ тобѣ, бѣдный Трофимъ Воробецъ и конецъ! Ахъ, якъ не збере мене страхъ, якъ не розплачуся, а вкôнцѣ якъ не зачну кленути, якъ лише зналъ, на чѣмъ свѣтъ стоитъ, а капелюхъ изъ передъ мене скочилъ, завылъ, та изчезъ, за то изъ далека виджу, щось мовь величезна палата, така яку може у Вѣднѣ ставлятъ, цѣла въ свѣтлѣ сіяе... Все одно думаю собѣ, все тамъ бодай жива дуде... обертаюся тракратно вокругъ себе, сплюнулъ позадъ себе, перекрестился тай напоперекъ, куда очи поведутъ, за свѣтломъ до палаты.

Иду... иду... на дворѣ тихо... пôтъ съ чола тече мовьбы кôлька день молотилъ, а сорочку мôгбы крутити мовь по зливѣ. Чѣмъ ближе палаты, тѣмъ она малѣе... свѣтло блѣднѣе и уменшаесь, наконецъ я передъ нею, дивлюся, а то корчма, та щó передъ Ходоровомъ... знаете ту корчму въ поли? Ахъ! Славажъ тобѣ Боже! Ôтси уже якось дошкандыбалъ до дому... та добре, що души по дорозѣ не ôтдалъ... Не намовитъ мене бôльше никто до фѣрманки!

Тамъ въ корчмѣ переночевалъ, бо пôзна уже была пора, а ôттамъ — скоро свѣтъ — пустился до дому, та вернулъ съ четырьнадцятью крейцарами ледви що теплый. А вы куме, Куба, кажете, що невѣрите въ блудъ, вы смѣялися съ мене.

А я такой вѣрю, якъ вѣрилъ и мôй небôщикъ батько, що менѣ неразъ про то розсказувалъ, якъ то блудъ чѣпаеся людей.

Всѣ присутствующiи покивали тôлько головами; Онисимъ хотѣлъ сказати, що ему говорила баба, якъ то разъ нечиста сила въ чорного кота, а потому въ пугача перемѣнилася.

Заговорилъ що-то и Цюпачокъ, що розсказуютъ старыи люди, що коло старого цминтара що-то страшитъ та пугае, а на болотахъ якiйсь огонь по ночахъ сверкае, що то нечистый съ свѣтломъ закопаныхъ грошей шукае, а всѣ слухали; видно было, якъ имъ на головѣ волосы изъ страху дыбомъ ставали, но тутъ бесѣду перебилъ имъ славный Куба.

Ôнъ неразъ верталъ изъ всякой оказiи нôчь не нôчь, дождь не дождь, зима не зима, по-при цминтарь чи по-при болота, верталъ и тверезый, однакъ чаще пьяный, а николи нiякои мары не встрѣтилъ, та и блудъ его николи не брался. Ôнъ все то выслухалъ, выпилъ свое пиво, розбудилъ рудого Гершка, который, отворивши широко ротъ, храпѣлъ на цѣле горло, та велѣлъ подати свѣжого пива.

А на дворѣ уже около пôлночи. Темно, хотя око выбирай!

И дѣйствительно до теперь въ селѣ про блудъ никто не зналъ, та блудъ никого тутъ николи не чѣпался.

— А я такой не вѣрю въ блудъ — озвался ôнъ гордо и самоувѣренно ударивши крѣпко куламомъ въ стôлъ, ажь гальбы зазвенѣли, а опять задрѣмавшiй Гершко пôдскочилъ, мовьбы его кто припѣкъ.

— Вамъ таке лише привидѣлося. Вы, куме, имѣли гарный грôшъ при собѣ и за безрогу, за фѣрманку за вôзъ та еще и за коня, та чому при такихъ грошахъ и блудъ не стрѣтилбыся! Та я знаю, якими мы ôтъ Фишлика розôшлися. Досыть я ходилъ всюда, та блуда не зазналъ, пôйду вамъ коли хочете и куда, та где хочете и жадной мары не боюся.

— Эй, куме Куба, якъ-бы вамъ сталъ такій капелюхъ, а опôсля цминтарь, та свѣчки на могилахъ передъ очима то хиба бысьте уже и живыми не вернули! Що говорити про страха тому, кто еще ему въ очи не заглянулъ. Вы теперь и коло старого цминтара не перейшли бы!

Образился на тѣ слова кумъ Куба, що его ôтвагу такъ мало кумъ цѣнитъ, а его и такъ ôтъ пiятики червоне лице еще бôльше почервонѣло, а однноке око блысло завзятостiю и ôтвагою.

— Ану о закладъ, Трофиме! Що платите, я вамъ нынѣ и на цминтарь пôйду, тай тамъ на первôмъ крестѣ свою хустину на знакъ заложу, завтра всѣ побачите! Що платите куме? Ну закладъ?

Всѣ присутствующiи поглянули недовѣрчиво на Кубу Блуда; въ то они бы не повѣрили, теперь о пôлночи на цминтарь?

— Чи збожеволѣли вы Куба? Та то легко по келишку та шклянцѣ говорится, а таки при цминтарѣ щось страшитъ — озвался Трофимъ.

— Страшитъ, не страшитъ, а я таки готовъ пôйти. Лише о закладъ... — говорилъ свое Куба.

Та зызоватый Трофимъ Воробецъ, который ту нечисту бѣду самъ на собѣ добре пôзналъ,

и въ блудъ такъ вѣрилъ, якъ въ то, що по нынѣшней забавѣ его жѣнка опять сердечно его привитае, не далъ Кубѣ за выгране.

— Плачу вамъ пять гальбъ пива завтра — сказалъ Кумъ Трофимъ — но маете такой быти на цминтарѣ и на первômъ лучшомъ крестѣ знакъ лишити, потомъ вернете до моеи хаты, тамъ разомъ переспимо въ стодолѣ, а раненько вы Трофиме и вы Игнате подивитесь, чи буде знакъ на крестѣ.

— Такъ о закладъ! — пôдхопилъ Куба. — Ударили по рукахъ. Шêсть гальбъ завтра! — А не буде знаку? Такъ вы шесть менѣ — отвѣтилъ такэй самоувѣренный Воробецъ.

На гуморъ та ôтвагу Куба выпилъ ще одну добру мѣрку крѣпкои, затисъ капелюхъ, та и не попращавшися съ никѣмъ, счезъ середъ нôчнои пѣтьми.

Въ кôлька хвиль розôшлися всѣ, хотя каждый якъ мôгъ скорѣйше утѣкалъ домôвь, боячися, щобы нестрѣтити пана або капелюха, або зловѣщого свиста передъ собою не почути.

Таки тои ночи еще случилося Трофиму опять нечистого почути. На дорозѣ до сосѣдного села, заразъ за селомъ коло мѣстка, попôдъ который плыве съ моклакôвъ та съ охабôвъ вода, почувъ ôнъ якъ щось плюснуло и застогнало... Волосье стануло ему дыбомъ, сердце затолклося мовь молотомъ, въ очахъ потемнѣло, а бѣдный Трофимъ перекрестившися, нуже що силъ утѣкати до дому. Позабылъ и на закладъ, що долженъ былъ въ стодолѣ спати; забылъ, що жена ожидае его съ сердечною гостиною, а

допавшися дверей нуже пукати до нихъ та до ôконъ, такъ що всѣ въ хатѣ зôрвалися на рôвныи ноги.

На другій день робôтники, идучи въ поле, нашли славного Кубу Блуда въ водѣ коло мѣстка. Упалъ якось лицемъ въ ту, плытку на тôмъ мѣстци воду, та тутъ нашелъ конецъ свому славному житью. Не стало ôтъ теперь славного Кубы, не стало вѣрного друга Трофима, та вѣрного гостя рудого Гершка.

Но тутъ не конецъ Кубѣ, та и не конецъ повѣстцѣ.

Хотя не стало Кубы, осталася память по немъ, а именно потокъ, въ которôмъ Блудъ нашелъ свôй конецъ, прозвали люди ôтъ его имени „Кубанею", та остала еще и друга памятка, а то его славне прозвище; бо ôтъ его смерти любитъ на „Кубани" при мôстку причепитися людей блудъ, та ними покрутити и настрашити. Особенно небôщикъ Куба любилъ по смерти до тѣхъ причѣпатися блудомъ которымъ за житья въ старой корчмѣ надь „Млынôвкою" товаришувалъ.

Казали гдекоторыи, особенно пôзнѣйше ôтъ Гершка вертали, що наочно видѣли Кубу въ великôмъ, панскôмъ капелюсѣ, якъ дивился на нихъ сердечно своимъ однимъ здоровымъ окомъ, якъ прижмурювалъ тѣмъ другимъ съ бѣльмомъ; видѣли якъ пускалъ дымъ съ горѣючого сигара, а гдекоторыи чули, якъ поступалъ за ними та шепталъ: ходѣтъ со мною на старый цминтарь, не бôйтеся блуда, тамъ поставимо знакъ на крестѣ...

Были и такіи, которымъ при веселой забавѣ у рудого Гершка въ старой корчмѣ показался и то за плечима или въ ôкнѣ, та моргалъ однимъ окомъ, та псовалъ имъ цѣлу забаву...

Пôзналъ въ коротцѣ и рудый Гершко, що любитъ блудъ ходити по свѣтѣ, бо ôтъ якогось часу почала корчма пустками свѣтити, уже вечеромъ, тобысь ланцухомъ никого въ корчмѣ не удержалъ. Кажутъ, що Гершку мали причутися черезъ кôлька ночей: где моя хата, моя нивка?...

По кôлькохъ лѣтахъ „Блудъ" пересталъ показоватися людямъ, головно ôтъ часу, якъ рудый Гершко оставилъ стару корчму пусткою, а ôкна и дверѣ позабивалъ дошками.

Кажутъ, що „нема зла, щобы на добро не выйшло". Такъ и смерть Кубы Блуда, хотя и страшна, выйшла на добро. Опустѣла корчма, люди по вечерѣ дома сидѣли, не марновался гôрько и тяжко запрацёваный грôшъ. Люди въ молитвѣ и церкви шукали защиты и опѣки передъ всякимъ діявольскимъ блудомъ, а если который часомъ и розохотился, такъ являлся за нимъ „Блудъ" съ однимъ моргаючимъ окомъ и тихо шепталъ: „ходи не бôйся, на цминтаръ!"

Оповѣдаютъ, що ôтъ часу, якъ плюснуло коло Трофима Воробця на „Кубани", то и ôнъ хотя якъ любилъ стару корчму и рудого Гершка за сокровище свѣта туда вечеромъ не загостилъ бы. Чи передъ смертію Воробецъ покаялся цѣлкомъ, не знаю, кажутъ, що горбатого и могила не направитъ.

Если бы такъ нынѣ воскресли славный Куба или Трофимъ или хотя бы и Цюпачокъ, то не пôзнали бы ни своего села ни сосѣднихъ. Все

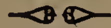
тутъ нынѣ змѣнилося. Люди мовь не тѣ, тверезыи, статочныи, господарныи. „Кубаня“ плыве собѣ, якъ колись плыла, блудъ менше людей напастуе, бо нема кого и за що. Стара корчма свѣтила еще долгое время пустками та обдертыми стѣнами на пострахъ села. Нынѣ еѣ двôръ розôбралъ. И рудого Гершка давно не стало.

Вправдѣ есть другій Гершко въ селѣ, та найдутся часомъ люди, що до пôзна забавятся, то ихъ жѣнкамъ раджу, не витати ихъ, якъ колись Трофимиха зызоватого Воробця, а прочитати имъ про „Кубу Блуду на Кубани“, якъ однимъ окомъ моргае на долго забавляючихся въ корчмѣ, а думаю, що и нова корчма пусткою засвѣтитъ.

Изъ поэзій Степана Шаха.

1.

ПОКРЫТКА.

Тамъ у полѣ при тополѣ,
Де чорна тернина.
Породила дѣвча въ болѣ
Неправого сына.
Породила и повила
У шматы старыи,
Ой, повила и положила
Камêня тяжкіи.
Нахилилась, подивилась
На власну дитину
И поплакала надъ нею
Сердечно зъ годину;
И крестила и молила
За душечку Бога,

А вôдтакъ въ рѣку пустила
Первородка свого.
Ой, заплакало сердешне
Дитяточко гоже
У послѣдне на водѣ ще
Въ русалчинôмъ ложѣ...

А на березѣ зъ розпуки
Страшнои рыдала
И безнадѣйно бѣли руки
Дѣвчина ломала!
Тай нещасна — она красна
Вернула до дому,
Но нѣколи не вернула
До розуму свого...

2.

Чи е яки у мене взагалѣ
Пріятели сердечныи на землѣ?
Були! богато, о, богато я ихъ мавъ...
Но ни одного ябъ сердечнымъ не на-
[звавъ!

3.

ПѢСНЬ ЦЫГАНА.

Я не орю, я не сѣю,
Надъ плугомъ не гнуся,
Але жити въ свѣтѣ вмѣю,
Зô всего смѣюся!

Ани жну я, ани кошу,
Ни снопôвъ не звожу,
Але маю, що захочу,
Все собѣ приношу!

Не молочу, не млынкую
И млына не знаю,
Але сытый, не бѣдую,
Тай хлѣбецъ все маю!

Я веселый, коли гордо
Ковальце дзвôнкоче,
Я спѣваю... а ту Марта
У шатрѣ дрôбоче:

Марто, Марто чорноока,
Ты раемъ для мене,
Прочь вы люди, прочь робота,
Мы е всêмъ для себе!

Я си цыганъ кучерявый,
Молодецъ затятый,
Я хочь чорный, но румяный,
Я ихъ вождъ завзятый!

А ты Марто съ орлимъ носомъ,
Ты красо вôрменьска...
Мы цыгане вôдъ прадѣда,
Наша кровь цыганьска!

4.

Шукаешь правды на землѣ,
Отту помеже нами?

И думаешь найти еѣ?
Наивный мôй!... шляхами
Не тьми, що и ты, иде
Она собѣ по свѣтѣ...
Найдешь еѣ мабудь уже
На смертнôмъ зимнôмъ цвѣтѣ...

5.

Нôчка тепла, а холодитъ,
Мѣсяць свѣтитъ, а не грѣе,
До дѣвчины хлопецъ ходитъ,
Но любити ей не вмѣе.

Чи не вмѣе, чи не хоче,
Богъ одинъ тамъ его знае,
А дѣвча кервавитъ очи
И марнѣе, пропадае...

Залюбилася щиренько
Вперше — майскою любовью,
Клонитъ русу головоньку,
Проклинае свѣтъ та долю,

Она чудна мовь русалка,
Она жити бы хотѣла
Она ранняя фіялка,
Она весну бы красила!

Нôчка темна, а ходитъ,
Мѣсяць свѣтитъ, а не грѣе,
До дѣвчины хлопецъ ходитъ,
А у неи — серце млѣе...

6.

Закувала зазуленька
На черемсѣ у садѣ,
Заплакала дѣвчинонька,
Що миленькій на войнѣ.

Заплакала, зарыдала
Та залялася слêзмы,
Бо и чутка вже пропала,
Чи повернеся зъ вôйны.

Пишутъ други жовняроньки,
Що здорово ще жіютъ,
Но о милôмъ дѣвчиноньки
Ничо знати не даютъ.

Тягнесь мѣсяць, тягнесь другій,
Ба — и третій вже минувъ,
Повертались, що жили,
Лишь миленькій не вернувъ!

Не вернувся, щобъ дѣвчину
До серденька притулить

И не верне, щобъ калину
На ей гробѣ посадивъ...

На черемсѣ у садочку
Сѣра пташка все куе...
Но дѣвчина вже не плаче,
Бо давно вже не жіе!

Свой до свого! Свой до свого!

БЮРО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

при Обществѣ им. М. Качковского

предлагаетъ для продажи по умѣреннымъ цѣнамъ:

ГОСПОДАРСКІИ МАШИНЫ: жатвенныи, молотилки, вѣялки, плуги и пр. изъ лучшихъ фабрикъ.

КОСЫ изъ лучшой стирійской и шведскои стали.

ШТУЧНЫИ НАВОЗЫ съ ручательстромъ за ихъ доброту

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ, прусскій и краевый.

При машинахъ и при заказахъ штучныхъ навозовъ цѣлыми вагонами даемо значныи опусты.

Допускается кредитъ.

Цѣны сообще мъ сейчасъ по запросу.

Заказы слѣдуетъ присылати завчасу.

☞ Не давайте обманювати себе разнымъ агентамъ-проходимцямъ! Не лакомится на дешевый товаръ и на довгіи кредиты, бо все тое обойдется вамъ дуже дорого.

Большіи дорожшіи машины (жатки, молотилки, вѣялки и др.) купуйте для вспольной роботы по нѣсколько господарей разомъ. Тогда такая машина оплатится и меньшому господареви.

Купуйте все только у свого — черезъ Бюро посредничества! ☜